

УДК 1(47)(09)
ББК 873(2)

К СОВРЕМЕННЫМ ДИСКУССИЯМ О СПЕЦИФИКЕ И РАЗВИТИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ

ОЛИВЕР СМИТ

Университет Сент-Эндрюс
St Andrews, 5, KY16 9PH, Великобритания, UK
E-mail: olgs@st-andrews.ac.uk

Предлагается исследование специфики и развития русской интеллектуальной традиции, основанное на материале трех книг: «Русская философия: энциклопедия» (М.: Алгоритм, 2007. 734 с.); «A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity» (Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 423 p.); «A History of Russian Thought» (Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 444 p.). Рассматриваются различные точки зрения на основные приоритеты развития русской мысли, начиная с традиционных дебатов 2 пол. XIX века (почвенники и западники), указывая на жесткую поляризацию взглядов в Советский период развития русской мысли и заканчивая современным интересом Запада к осмыслению русской философской традиции.

Ключевые слова: интеллектуальная традиция, человеческая автономия, духовные академии, гуманизм, типология и переосмысление.

ON THE QUESTION OF THE SPECIFICITY AND TRAJECTORY OF THE RUSSIAN PHILOSOPHICAL TRADITION

OLIVER SMITH

University of St Andrews
St Andrews, 5, KY16 9PH, Scotland, UK,
E-mail: olgs@st-andrews.ac.uk

The article explores the specificity and trajectory of the Russian intellectual tradition on the basis of three recent books: «Russkaia filosofii: entsiklopediia» (Russian Philosophy: Encyclopaedia; M., 2007), «A History of Russian Thought» (Cambridge: Cambridge University Press, 2010), «A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity» (Cambridge: Cambridge University Press, 2010). It considers differing opinions on the fundamental priorities of Russian thought, beginning with the traditional debates of the second half of the nineteenth century (Slavophiles vs. Westernizers). After highlighting the polarization of opinion in the development of thought during the Soviet period, it ends with a treatment of contemporary attempts in the West to reconceptualize the Russian philosophical tradition.

Key words: intellectual tradition; human autonomy; spiritual academies; humanism; typology and reconceptualization.

С тех пор, как природа и траектория русской интеллектуальной традиции стали предметом оживлённых споров во второй половине девятнадцатого столетия, её горизонт периодически наполняется новыми провидцами, которым зачастую суждено оказаться забытыми, лишь только они сходят с исторической сцены. Тради-

ционные дебаты о благотворности почвеннических («славянофильских») либо заимствованных («западнических») основных приоритетов развития русской мысли сменились в XX веке жёсткой поляризацией взглядов, когда, с одной стороны, Запад в основном не принимал в расчёт плоды интеллектуального труда, созданные в идеологически ограждённом от любых посторонних влияний Советском Союзе, а, с другой стороны, Советский Союз ожесточённо опровергал и клеймил плоды интеллектуальных усилий эмиграции. И хотя сегодня мы, по счастью, отказались от одномерной ленинской интерпретации русской традиции как поступательного «движения к свободе», предстоит многое узнать об этой традиции и начать осмысленный разговор о ней. Что же это за «зверь» такой – русская интеллектуальная традиция? Когда мы говорим о «западной философии» и «русской философии», означает ли слово «философия» в первом и втором случае одно и то же? Простой мысленный эксперимент иллюстрирует некоторые из сложностей, которые нас поджидают. Подавляющее большинство специалистов причислят Канта, Гегеля и даже такого менее склонного к системному мышлению автора, как Кьеркегор, к пантеону философов, при этом не считая таковыми, или, по крайней мере, таковыми по преимуществу, скажем, Джона Донна или Франца Кафку. В то же время во многом аналогичные им фигуры на русской почве – Фёдор Достоевский и Фёдор Тютчев – заслуживают каждый по заметке в недавно опубликованной энциклопедии «Русская философия»¹, и, каким бы странным это ни казалось, большинство специалистов в данной области считают такой выбор авторов энциклопедии оправданным, хотя и не могут точно сказать почему. Данная проблема является ключевой для понимания каждого из трёх обозреваемых в данной статье трудов. В то время как многие интерпретаторы прошлого использовали удобный ярлык «русская мысль» для обозначения чрезвычайно широкого диапазона вещей, кембриджская «История русской мысли»², пожалуй, первое изданием, в котором такой выбор сделан вполне осознанно. В предисловии к этой книге утверждается, что исследование «мысли» предпочтительнее по отношению к изучению «философии», поскольку такой подход отражает основной интерес самих русских мыслителей, которые относились к идеям не как к «ключам к отдалённым и малопонятным истинам, но как к орудиям в борьбе за социальную, моральную, историческую и политическую справедливость» [1, р. 4]. Мысль, определяемая в таком ключе, обозначает примерно то, что обычно понимают под словом «философия», если к этому добавить все вариации её взаимодействия с жизнью как таковой. При этом издатели избегают каких-либо ценностных утверждений об априорном превосходстве «мысли» над «философией». Каковы бы ни были достоинства такой классификации, она позволяет изданию выглядеть последовательным при отсутствии в нём последовательного дискурса, который заменяется постепенно конструируемым из трудов разнообразных авторов образом мыслящего сообщества, ведущего параллельную работу во многих взаимосвязанных областях знания.

¹ Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. 734 с.

² A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 444 p.

В двух других изданиях, похоже, подразумевается, что определение русской интеллектуальной традиции в качестве «философии» требует, по меньшей мере, её рассмотрения в контексте повествования о связи с мировой философской традицией либо, наоборот, о разрыве с ней. В то время как издатели энциклопедии «Русская философия» утверждают, что «основные проблемы мировой философии являются также проблемами русской философии», они в то же время полагают, что их издание «всем своим содержанием свидетельствует о том, что в России зародилась, существовала и существует философия в ее национальном своеобразии, с культурно-цивилизационной спецификой» [2, с. 5]. Приводя аргументы в пользу оригинальности, не противоречащей преемственности, они выражают согласие со многими русскими мыслителями XIX столетия, которые отказывались от участия в ложном противостоянии между славянофилами и западниками лишь для того, чтобы после смерти оказаться искусственным образом зачисленными в ряды сочувствующих одному из двух противоборствующих лагерей.

К вопросу о человеческой автономии

«История русской философии» (A History of Russian Philosophy 1830–1930)³, несомненно, является самой радикальной из трёх книг в своей реконцептуализации развития традиции. В ней утверждается, что русская философия унаследовала не всю вообще философскую проблематику, а определённый тип философской проблемы и определённый тип философствования. «Мы считаем, – пишут издатели Гари Гамбург и Рэндалл Пул, – что «философский гуманизм» представляет собой мощную и объёмную систему понятий, позволяющую создать новую, интерпретативную историю русской философии <...>. С некоторым риском чрезмерного упрощения мы можем утверждать, что русская философия в целом являет собой углублённый диалог о человеческом достоинстве» [3, р. 4]. Издатели определяют зарождение русской гуманистической традиции на той умозрительной линии, что берёт начало в гуманизме эпохи Ренессанса Пико делла Мирандола и продолжается Иммануилом Кантом. Данный подход оригинален и смел и, именно вследствие столь широких обобщений, рискован и уязвим. Степень риска частично смягчает тот факт, что не все опубликованные в сборнике авторы в равной степени принимают программную схему, очерченную в предисловии к сборнику.

В контексте анализа человеческой автономии представляет интерес понятие «гуманизм». «Гуманизм», безусловно, такой же спорный термин, как и «мысль». Николай Бердяев определяет гуманизм как «признание высочайшей ценности человека в жизни мира, а также его творческого призвания». Такое определение, несомненно, отражает позицию значительной части русских философов, однако только самое широкое определение гуманизма («сосредоточенность на проблемах человеческого бытия») может сделать гуманистами Леонтьева, Розанова и

³ A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 423 p.

Шестова (последний также оказывается зачислен в ряды гуманистов [4, р. 239]). Помимо необходимости реинтерпретации некоторых направлений русской мысли в целях сохранения единства экспозиции (многочисленные школы материалистов и позитивистов определяются Гари С. Морсоном как «контр-традиция») выбранный редакторами подход сталкивается и с другими трудностями. Самая значительная из них – это попытка представить русскую философскую традицию в целом как развитие сформулированной кантианцами идеи человеческой автономии.

Слово «автономия» не фигурирует в подзаголовке книги, однако в ней достаточно часто упоминается «защита человеческого достоинства», так тесно связанная с идеей автономии человека. Авторы предисловия улавливают эхо идей Пико и Канта о том, что в трудах Герцена «человеческое достоинство состоит в самоопределении» [3, р. 12], в то время как защита человеческого достоинства у Чичерина и Соловьёва соотносится ими с «кантианскими основаниями моральной автономии и самоопределения» [3, р. 16]. Концепция Богочеловечества у Соловьёва, принятая вслед за ним многими русскими религиозными философами, в своём требовании «автономной человеческой деятельности и саморазвития» [3, р. 17] также, как нам сообщают, опирается на учение Канта.

Влияние Канта на русскую философскую традицию, безусловно, было огромным. В то же время представленная в данном издании точка зрения на русскую философию как на одну из вариаций кантианства, конечно же, является спорной. Богочеловечество, как у Соловьёва, так и в других интерпретациях, было в действительности продуктом применения «строгого философского метода» [5, р. 134] с использованием элементов систем не только Канта, но и Платона, Гегеля, Шеллинга и многих других. При этом данное учение в не меньшей степени обязано своим появлением христологии Церкви, в особенности – халкедонскому определению природы Христа как одновременно целиком человеческой и целиком божественной, о чём свидетельствует используемый Церковью термин Богочеловек. Почти полное игнорирование последнего аспекта вопроса крайне проблематично. Действительные заимствования у Канта – идёт ли речь о царстве целей или о признании абсолютной ценности человека – выдаются за целостное принятие кантианской модели. Данное смешение, на наш взгляд, основывается на допущении, что человек имеет абсолютную ценность, только если гарантируется совершенная автономия его жизни и бытия.

Странным образом, но это допущение опровергается на первых страницах кембриджской «Истории русской философии», когда Сергей Хоружий анализирует основу разногласий между славянофилами и западниками с персонологической точки зрения. И если подход Хоружего порой преувеличивает различия между этими двумя тенденциями, его описание двух направлений мысли, бывших наиболее значительными в ранний период истории русской философии, представляется верным. С точки зрения Хоружего, западническая концепция «свободного, рационального, сознательного человека» [6, р. 46] соответствует антропоцентрической парадигме, в которой личность понимается как автономная, самодостаточная индивидуальность, близкая к декартовому субъекту. В противовес этому представлению о личности, славянофилы держались теоцентрической парадигмы, согласно которой полнота личностного бытия принадлежит Богу, а не человеку.

Согласно этой парадигмы, автономия является ни чем иным, как отпадением от истинной личности; совершенство личностного человеческого бытия гарантируется только причастием к царству абсолютного бытия самого Бога.

Впоследствии русские идеалисты унаследовали обе линии аргументации в этом споре, однако, по крайней мере в этот момент славянофильская точка зрения, сформулированная Хоружим, была чрезвычайно важной. Как указывает Алексей Козырев в статье о Богочеловечестве «Энциклопедии русской философии», данный принцип означает, что «в Боге для человека открывается всеединство, абсолютная полнота бытия, которую он не может обрести в самом себе» [7, с. 62]. Таким образом, как напоминает нам Мартин Бейссвенгер в интересном исследовании евразийства, для такого мыслителя, как Лев Карсавин, «человеческие индивидуумы являются личностями только благодаря своей причастности божественному <...>; сами по себе индивидуумы не способны к полному самоопределению и не свободны» [8, pp. 369–370]. Это парадоксальное открытие автономии посредством отказа от автономии типично для значительной части представителей русской философии, и здесь находится источник её кенотической эпистемологии.

Каковы бы ни были её специфические послышки, трудность в классификации русской адаптации пассивно-активного отношения человеческого субъекта к знанию и бытию ясно демонстрируется её различными трактовками в «Истории русской философии» и энциклопедии «Русская философия». В то время как Козырев в серии статей о софиологическом направлении русской мысли, описывая эпистемологию Соловьёва (приближаясь к её трактовке П.П. Гайденко) «по аналогии со своего рода трансом, состоянием пассивно-медиумическим» [9, с. 518] для получения вдохновения, заходит явно слишком далеко в сближении метода Соловьёва с потусторонним миром, авторы «Истории русской философии» ошибаются в противоположную сторону – сводят основные направления русской философской мысли к некоему гуманизму, который «двигался по направлению от человека к божеству (посредством разума), а не от божества к человеку (посредством откровения)» [3, р. 8]. Вклад русских мыслителей в обсуждение проблем свободы воли и человеческой автономии сложен и противоречив. Представляя две противоположные тенденции, оба рассматриваемых издания наглядно показывают, что этот вклад невозможно оценить однозначно с позиций либо мистико-экстатической, либо гуманистической и кантианской парадигм.

Русская Церковь

Оба рассматриваемые нами англоязычные издания повествуют о Русской Православной Церкви не вполне справедливо, в особенности это касается «Истории русской мысли». В самом деле, отсутствие разговора об интеллектуальной атмосфере духовных академий как о естественной среде, которая, наряду с прочим, сформировала русскую философскую традицию, является одним из главных недостатков книги. Дэвид Соундерс, к примеру, утверждает, что большинство священнослужителей и монахов России были всего лишь «говорящими устами монархии», а в XIX веке Церковь потеряла «остатки своей прежней способности к идеологическому лидерству» [10, pp. 28–29]. В действительности, в церковных про-

поведях того времени, конечно же, можно обнаружить славословия монархам, но это был далеко не единственный аспект того, чем занимались священнослужители. Известно, что после 1850 года, как пишет Виктория Фрид, «только священнослужителям в духовных семинариях и академиях было дозволено преподавать такие предметы, как логика и психология» [11, р. 71], и, хотя это делало академии мишенью для критики как со стороны радикалов, так и со стороны людей умеренных политических взглядов, академии становились центрами интеллектуальной жизни и оказывали позитивное влияние на многих русских мыслителей.

Пожалуй, наибольшая заслуга авторов энциклопедии «Русская философия» в том, что они возвращают читателю богатое наследие русских духовных академий, а без этого, как утверждает Александр Абрамов, «невозможно построить общую панораму состояния философствования и развития духовности в России» [12, с. 606]. Одновременно с этим серия эссе Петра Калитина о ранних «учёных монахах» и о понятиях, выработанных в стенах академий («анагогия», «духовное просвещение», «синергия»), является в меньшей степени объективным рассмотрением этих предметов, а скорее, попыткой их пересмотра в рамках новой парадигмы и новым взглядом на место монашеской учёности в контексте русской культурной жизни. В интерпретации Калитина митрополит Платон (Левшин), живший примерно за сто лет до Соловьёва, выступает в качестве примирителя противоборствующих тенденций, пытающегося привести к единству «внутренние (святоотеческие – исихастские) и внешние (иосифлянские)» аспекты русской религиозности. В работах Калитина, быть может, задаётся больше вопросов, чем даётся ответов, и, несомненно, они принадлежат к числу наиболее интересных в составе энциклопедии «Русская философия»⁴.

Новые перспективы

«История русской мысли» предлагает суду читателей ревизионистское прочтение двух основополагающих терминов в интеллектуальной истории России – это термины «интеллигенция» и «народ», причём переосмысливаются эти термины по-разному. Тогда как Гари Гамбург пытается переопределить понятие «интеллигенция» с социо-исторических позиций и по ходу рассмотрения выделяет девять видов интеллигенции, сложные отношения которых с «элитной социальностью» (автор использует выражение «elite sociability») составляют двигатель интеллектуального развития России [13, pp. 47, 51], Дерек Офффорд предлагает интерпретировать понятие «народ» с позиций социального конструкционизма, рассматривая его не как «чётко определённую социальную сущность, а как конструкцию, выстроенную умственными усилиями интеллигенции» [14, р. 241]. В интересном эссе Чарльза Эллиса о естественных науках в России рассказывает-

⁴ См. статьи П.В. Калитина «Анагогия», «Добротолубие», «Духовное просвещение», «Платон (в миру Петр Егорович Левшин)», «Синергизм», «Феофилакт (Горский)», «Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов)» в кн.: Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. 734 с.

ся о том, как наблюдения, проведённые в сибирской тайге, в крайне малонаселённых районах страны, привели князя Кропоткина к переосмыслению дарвиновского учения с позиций принципа «взаимной поддержки», общности и солидарности, а не «выживания сильнейших» [15, pp. 300–02], а также о тех политических последствиях, которые имел такой взгляд на мир.

Наиболее удачная часть «Истории русской мысли» – это, на наш взгляд, её последний раздел («Жизнь классической философии после смерти»), в котором Галин Тиханов рассматривает развитие философии в Советском Союзе как свидетельство неистребимости свободы человеческой мысли, которая «дышит, где хочет», невзирая на любые идеологические препоны. Работа Тиханова убедительно свидетельствует о том, что «история идей в советский период должна оставаться открытой темой», должна быть для нас одновременно «вдохновением и упрёком» [16, p. 322]. Эссе Даниэля Тоудса и Николая Кременцова⁵ о взаимосвязи диалектического материализма и советской науки убедительно демонстрируют нам, что «странное существо», называемое марксистским дарвинизмом, было «одновременно идеологическим ограничителем и катализатором мощной творческой работы» [17]. В этом контексте Фёдор Майоров, работавший когда-то бок о бок с Иваном Павловым, предстаёт ключевой фигурой, сыгравшей важную роль в расширении горизонтов учения Павлова о живых организмах. Широко распространённая точка зрения, что Павлов «представляет организм только чисто механическим устройством, реагирующим на внешние толчки», опровергается в энциклопедии «Русская философия» Михаилом Ярошевским. Он настаивает на том, что Павлов «отстаивал активный характер поведения» [17, с. 408]. С этой точки зрения исследования Тоудса и Кременцова о коллективном характере советской науки и в особенности о роли Майорова и других советских учёных в расширении «механистической интерпретации» учения Павлова дают нам уникальную возможность увидеть первоначальные идеи Павлова в творческом развитии.

В «Истории русской философии» радует статья о панпсихизме – значительном течении в истории русской мысли, которому редко уделяется заслуженное внимание. Статьи «Панпсихизм» нет в энциклопедии «Русская философия», хотя есть статьи о крупнейших представителях этого течения. Людмила Авдеева, вслед за Николаем Лосским, относит представителей панпсихизма к течению, называемому «персонализм», которому посвящена особая статья⁶. Такой подход несколько осложняет высказывание Джеймса Скэнлана о том, что «среди трёх основных панпсихистов только Лопатин являлся, по собственному признанию, этическим персоналистом, только Лосский был метафизическим персоналистом, а Козлов не был персоналистом вообще» [18, p. 167]. Но, несмотря на обозначенные Скэнланом различия между этими тремя мыслителями, он выдвигает суще-

⁵ Todes D. & Kremontsov N. *Dialectical Materialism and Soviet Science in the 1920s and 1930s // A History of Russian Thought*. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 340–67.

⁶ См.: Авдеева Л.Р. *Персонализм // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина*. М.: Алгоритм, 2007. С. 415–417.

ственные доводы для того, чтобы исследовать их под общим наименованием панпсихистов. Аргументация Пола Вальера того, что Булгаков в сборнике «Вехи» (1909) рассматривает аскезу как понятие, которым мы обязаны «Веберу не меньше, чем православию», – это пример «соловьёвской целостности», благодаря которой «Вебер переносится на русскую почву, а православие модернизируется» [19, р. 181]. Данная аргументация искусно развивается в пространстве разнообразных заимствований софиологов. Выведение Вальером «творческой искры», которая, по Булгакову, заземляет человеческое хозяйство «сверху или снизу», в любом случае «трансцендируя человеческий субъект» [19, р. 183], является ещё одним интересным усложнением странного созвездия видов причинности, которое мы находим у Соловьёва и его последователей.

Статья Роберта Бёрда (Robert Bird) подводит критические основания к возрастающей близости философии и изобразительных искусств в России XX века, когда «идеи сдали свою власть образам», а идеалисты всё больше подпадали под влияние «силы притяжения образа, который способен придать теоретическому рассуждению чувственно воспринимаемую форму» [20, pp. 268, 270]. Его вывод о том, что октябрьская революция являла собой «победу современного, «идеалистичного» воображения» в силу того, что она «основывалась на поиске нового ритуала, который породил бы образы, проецирующие новое общество» [20, р. 284], хотя и является в какой-то мере провокационным, вытекает органичным образом из его предшествующей аргументации. Этот вывод с большой вероятностью может стать предметом споров. Эсхатологический образ мышления, характеристику которого применительно к эпохе Серебряного века даёт Джудит Корнблатт⁷, трансформируется в радикальную раннесоветскую эпоху, что с успехом подтверждает Анджей Валицки, характеризующий переход к сталинизму как «телеологическое оправдание коммунистического тоталитаризма, господствовавшее при Ленине, было заменено оправданием, основанным на его вынужденности» [21, р. 322] и, ради самосохранения, умалчивавшем о коммунистическом завтра.

Филип Гриер в своём исследовании философского наследия Шпета, Ильина и Лосева начинает с вопроса о том, почему философские проекты Гегеля и Гуссерля, таких разных по модальности философов, «занимали столь важное место в творчестве этих трёх столь разных русских философов» [22, р. 326]. По мнению Гриера, все трое предполагали, что «методы Гегеля и Гуссерля в некоем фундаментальном смысле схожи» [22, р. 345], а различные методы, применяемые ими, чтобы приспособить одного философа к другому (у Ильина интерпретация системы Гегеля как интуитивной, а не диалектической; совмещение Шпетом гегельянского и гуссерлианского подходов в одном исследовании), являют собой яркий образец того, каким странным образом западная философия порой воспринимается русскими мыслителями.

⁷ Kornblatt, J.D. Eschatology and Hope in Silver Age Thought // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G. M. Hamburg & R. A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 285–301.

Книга оканчивается красноречивым послесловием Кэрил Эмерсон, которая возвращает нас к двум гигантам русской культуры – Достоевскому и Толстому, в интерпретации, соответственно, Михаила Бахтина и Лидии Гинзбург. Одна из главных заслуг Эмерсон заключается в том, что она, с помощью Гинзбург, проливает свет на странное сочетание у Бахтина влечения к одержимому и экстатическому миру Достоевского с некоторой отстранённой и универсальной терпимостью ко всему. В целом, как отмечает Эмерсон, «любовь» у Бахтина – скорее, категория мышления, чем желания» [23, р. 389].

В своём эссе в «Истории русской мысли» Тиханов упоминает [16, р. 325] статью, написанную в 1990 г. русским философом Арсением Гулыгой⁸, в которой он высказывает предположение, что с 1870-х годов философский центр мира сместился в сторону России, пока этот процесс не был остановлен в 1920-е годы. О том, демонстрируют ли рассматриваемые нами издания достаточные доказательства такой точки зрения, можно спорить. Было бы непоследовательно, например, считать Гуссерля, Хайдеггера, Виттгенштейна или Сартра обитателями захудалых провинций мировой философии. В то же время если мы говорим о философии в русском смысле этого слова, то мы имеем в виду традицию со своими собственными уникальными особенностями, которая, конечно, является по своему происхождению птицей-беглянкой с Запада, но успевшей значительно эволюционировать под влиянием новых условий. Таким образом, каждое из рассматриваемых нами изданий даёт будущим исследователям богатый выбор методик, набор ключей к кладовой русской философской традиции, которые помогут глубже ее узнать и постичь.

Список литературы

1. Hamburg G.M. & Poole R.A Introduction. The Humanist Tradition in Russian Philosophy // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 1–23.
2. От редакции // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 5–6.
3. Hamburg G.M. & Poole R.A Introduction. The Humanist Tradition in Russian Philosophy // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G. M. Hamburg & R. A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 1–23.
4. Rosenthal B.G. Religious Humanism in the Russian Silver Age // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 227–47.
5. Poole R. A Vladimir Solovyov's Philosophical Anthropology: Autonomy, Dignity, Perfectibility // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 131–49.
6. Horujy S. Slavophiles, Westernizers, and the Birth of Russian Philosophical Humanism // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 27–51.
7. Козырев А.П. Богочеловечество // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 62–63.

⁸ Гулыга А. Русский религиозно-философский ренессанс // Наш современник. 7.1990. С. 185–187.

8. Beisswenger M. Eurasianism: Affirming the Person in an «Era of Faith» // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 363–80.
9. Гайденок П.П. Соловьев Владимир Сергеевич // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 516–521.
10. Saunders D. The Political and Social Order // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 17–43.
11. Frede V. Materialism and the Radical Intelligentsia: the 1860s // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 69–89.
12. Абрамов А.И. Философия в Духовных академиях // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 605–606.
13. Hamburg G. Russian Intelligentsias // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 44–69.
14. Offord D. The People // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 241–62.
15. Ellis C. Natural Science // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 286–307.
16. Tihanov G. Continuities in the Soviet Period // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 311–39.
17. Ярошевский М.Г. Павлов Иван Петрович // Русская философия: энциклопедия / под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Алгоритм, 2007. С. 47–48.
18. Scanlan J. Afterword // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 368–79.
19. Valliere P. A Russian Cosmodycy: Sergei Bulgakov's Religious Philosophy // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 171–89.
20. Bird R. Imagination and Ideology in the New Religious Consciousness // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 266–84.
21. Walicki A. Russian Marxism // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 305–25.
22. Grier P. Adventures in Dialectic and Intuition: Shpet, Il'in, Losev // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 326–45.
23. Emerson C. Afterword: On persons as open-ended ends-in-themselves (the view from two novelists and two critics) // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Pp. 381–90.

References

1. Hamburg G.M. & Poole R.A. Introduction. The Humanist Tradition in Russian Philosophy // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 1–23.
2. Ot redaktsii [From the Editors], in *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia], Moscow: Algoritm, 2007, pp. 5–6.
3. Hamburg G.M. & Poole R.A. Introduction. The Humanist Tradition in Russian Philosophy // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 1–23.

4. Rosenthal B.G. Religious Humanism in the Russian Silver Age // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 227–47.
5. Poole R.A. Vladimir Solovyov's Philosophical Anthropology: Autonomy, Dignity, Perfectibility // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 131–49.
6. Horujy S. Slavophiles, Westernizers, and the Birth of Russian Philosophical Humanism // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 27–51.
7. Kozyrev A.P. Bogochelovechestvo [Godmanhood], in *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia], Moscow: Algoritm, 2007, pp. 62–63.
8. Beisswenger M. Eurasianism: Affirming the Person in an «Era of Faith» // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 363–80.
9. Gaydenko P.P. Solov'ev Vladimir Sergeevich [Solovyov Vladimir Sergeevich], in *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia], Moscow: Algoritm, 2007, pp. 516–521.
10. Saunders D. The Political and Social Order // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 17–43.
11. Frede V. Materialism and the Radical Intelligentsia: the 1860s // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 69–89.
12. Abramov A.I. Filosofiya v Dukhovnykh akademiakh [Philosophy in the Theological Academies], in *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia], Moscow: Algoritm, 2007, pp. 605–606.
13. Hamburg G. Russian Intelligentsias // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 44–69.
14. Offord D. The People // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 241–62.
15. Ellis C. Natural Science // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 286–307.
16. Tihanov G. Continuities in the Soviet Period // A History of Russian Thought. Ed. D. Offord & W. Leatherbarrow. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 311–39.
17. Yaroshevskiy M.G. Pavlov Ivan Petrovich [Pavlov Ivan Petrovich], in *Russkaya filosofiya: entsiklopediya* [Russian philosophy: Encyclopedia], Moscow: Algoritm, 2007, pp. 47–48.
18. Scanlan J. Afterword // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 368–79.
19. Valliere P. A Russian Cosmodyc: Sergei Bulgakov's Religious Philosophy // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 171–89.
20. Bird R. Imagination and Ideology in the New Religious Consciousness // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 266–84.
21. Walicki A. Russian Marxism // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 305–25.
22. Grier P. Adventures in Dialectic and Intuition: Shpet, Il'in, Losev // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 326–45.
23. Emerson C. Afterword: On persons as open-ended ends-in-themselves (the view from two novelists and two critics) // A History of Russian Philosophy 1830–1930: Faith, Reason, and the Defense of Human Dignity. Ed. G.M. Hamburg & R.A. Poole. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, pp. 381–90.